

и кончались неудачей, как у А. Л. Ордина-Нащокина (если признать, что в «Ведомстве желательным людям» мы имеем уже законченное произведение, а не один из подготовительных вариантов). Необходимость «документировать» изложение усугубляла эти трудности. Еще большие трудности возникали при отнесении своего произведения к определенному жанру самими авторами.⁶⁹

В пределах настоящей статьи мы не располагаем возможностью остановиться детально на одном из важных и спорных вопросов — путях становления литературной формы автобиографии и ее генетической связи с другими литературными жанрами древней Руси (житием, исповедью, поучением). Однако очевидно, что на ранних этапах формирования жанра автобиографии писатель пытается использовать прежде всего знакомые ему жанровые формы, включающие автобиографические материалы (письмо, молитва, дневниковые записи, поучение, хождение), соединяя их (умело или неумело) вставками, комментариями или глоссами автобиографического характера.⁷⁰ Включение готовых литературных форм было зачастую вызвано потребностью документировать рассказ о самом себе.

В одних случаях используются известные жанры (например, хождение, житие, исповедь). В других — образцом для автобиографии становится конкретное произведение с автобиографическим акцентом; происходит подстановка своей судьбы на место чужой.⁷¹ Даже такие оригинальные писатели, как Аввакум и Епифаний, широко используют арсенал других жанров (житий, деяний, видений и др.). Потребовался длительный путь развития, прежде чем автобиография справилась с задачей выработки адекватной содержанию формы, заимствовав ее у биографии.⁷²

Итак, на наш взгляд, в процессе формирования жанра автобиографии решающую роль сыграли не столько уже имевшиеся в литературе жанры (например, житие или исповедь), сколько еще недостаточно изученные с этой точки зрения автобиографические ремарки и приписки, под пером отдельных авторов превращавшиеся в обширные повествования.⁷³ Таким путем, в частности, возникла «Повесть . . . откуда начася и како съвершися друкарня сия» Ивана Федорова. Отказ от религиозных нормативов, так же как и взрыв устоявшихся жанровых форм, для создателей нового жанра автобиографии был делом не легким. Отсюда многочисленные изменения авторов, боязнь осуждения и насмешки (как у Владимира Мономаха, А. Л. Ордина-Нащокина, А. Курбского и др.).

Гетерогенность формы «Почтения» (соединившего в себе «высокие» и деловые жанры), отражавшая отмеченный нами мировоззренческий дуализм его автора, влекла за собой и гетерогенность языковых средств.⁷⁴

⁶⁹ Мономах назвал его «грамотицей». Иван Федоров — «повестью» (название было впечатано уже тогда, когда весь текст был набран), А. Л. Ордин-Нащокин — «ведомством».

⁷⁰ Т. Н. Копреева. «Ведомство желательным людям» (из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина). — Археографический ежегодник за 1964 г., М., 1965, стр. 341.

⁷¹ Т. Н. Копреева. Неизвестный источник Жития Софрония Врачанского. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 260—274.

⁷² «Почтение» Мономаха, несомненно, в какой-то мере испытало влияние жанра панегирической биографии.

⁷³ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 133, прим. 22; ср.: G. Misch. Geschichte. . ., Bd. III, Heft 1, S. 725.

⁷⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 17; С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 32—80; В. Д. Леви́н. Краткий очерк русского литературного языка. М., 1964, стр. 46—47. Г. Миш дуализм мышления средневекового человека иллюстри-